

III. Испытание пространством

Проблема общественного излишка Задумаемся: а могла ли Россия прожить без Сибири и дальневосточных владений, ограничив свои восточные пределы уральским меридианом? Не будем брать в расчет возможные угрозы от возникновения со временем на “ничейном” пространстве северо-восточной Азии некоего нового варианта Золотой Орды, для которого Россия была бы ближайшей целью агрессии. Допустим, что за Уралом все эти годы и века проживали, тихо сменяя друг друга, миролюбивые племена, не представляющие для России ни военных, ни торгово-экономических угроз. Соответственно наша страна могла бы не расходовать ресурсы и жизненные силы на освоение новых земель, а сосредоточиться на внутреннем обустройстве и, быть может, за счет лучшим образом сконцентрированной военной мощи, еще в конце XVII века, в рамках первой и второй русско-турецких войн 1677–1681 и 1686–1700 гг., утвердить свое присутствие в черноморском регионе с перспективой положительного для себя решения проблемы проливов. Пусть столь же успешно продолжалась бы и экспансия в западном и юго-западном направлении, вехами которой стали присоединение северного Причерноморья вплоть до устья Дуная (третья четверть XVIII века), правобережной Украины и Белоруссии (конец XVIII века), а также покорение Кавказа (вся первая половина XIX века). Какой бы тогда была Россия, только без Сибири?

Простая оценка затрат, понесенных страной для осуществления движения на Уральский хребет, могла бы свидетельствовать об огромных возможностях альтернативного использования соответствующего общественного ресурса. Точной калькуляции никто не вел, однако, если в качестве эквивалента совокупных затрат по переселению и освоению новых земель использовать не менее 5 лет напряженнейшего труда переселенца, аналогом которых в обычных условиях является 20–25 лет земледельческого труда в центральных районах России, то оценка дополнительных общественных затрат по освоению Сибири в XVI – XVII веках, приведенная к обычному базису, составит: 300 тысяч человек населения¹² x 5 (превышение 25 лет / 5 лет) = 1.5 млн. человеко-лет, за XVIII век – 3.0 млн. человеко-лет. В XVII веке численность

¹²К 1710 году за уральским меридианом постоянно проживало немногим более 300 тыс. человек, к концу XVIII века – около 600 тысяч [18].

населения (здесь и далее будем рассматривать “срединную”, русскую Россию, не беря в расчет присоединенных территорий) составляла около 25 млн. человек, в XVIII веке – около 40 миллионов. Таким образом, освоение Сибири в XVII–XVIII вв. обходилось стране в 6–8% воспроизводимого общественного ресурса, или, в современной терминологии, валового внутреннего продукта. Учитывая, что рост внутреннего продукта России в лучшие годы той эпохи вряд ли превышал 10%, перемежаясь с частыми его сокращениями в годы войн, голода и иных неурядиц, речь идет о колоссальных ресурсах.

Согласитесь, велик соблазн предположить, что если бы эти гигантские средства были использованы, скажем, на развитие производительных сил на “коренной территории”, наша страна могла бы уже в годы, пришедшиеся на “прорубание окна в Европу” Петром Великим, сравняться с Голландией и Англией по уровню развития экономики и финансов... Смущает только одно “но”: по уровню развития общественных отношений Россия в тот период была попросту не готова к восприятию и реализации гражданских правоотношений, к накоплению по-настоящему частной и неприкосновенной собственности. Лишенное легких выходов на мировые рынки, вынужденное обустроить жизнь с преобладающей опорой на внутренние ресурсы, московское царство было обречено воспроизводить феодальный вариант мобилизационной экономики. В этих условиях излишек национального дохода проще всего было использовать на цели территориального расширения с неизбежными при этом военными издержками, затратами на первичное обустройство, создание коммуникаций и т.д. Даже Петр I, сумевший, в результате колоссальной концентрации волевого ресурса, добиться невиданной по масштабу и глубине трансформации большинства общественных институтов, не смог создать основу для более эффективного приложения общественного *surplus*. Потенциальный эффект от “инвестиций” в открытие прямых и более эффективных путей для торговых сношений со странами Европы (“окна в Европу”) более чем уравновешивался возникновением феодальных мануфактур на далеком от морских портов Урале, обеспечивавших модернизацию военно-технического потенциала страны, но одновременно и лишавших ее шансов на развитие новых экономических отношений, основанных на состязательности, ответственности и автономности хозяйствующих субъектов. Таким образом, из-за того, что “порог преодоления” самодостаточной архаичной структуры экономических отношений в России XVII –

XVIII век был на порядок выше, чем в европейских государствах, наша страна была обречена утилизировать излишек общественного продукта в войнах и экспансии. Заметим, что это был не самый худший вариант: в условиях жестко централизованного государства данный ресурс можно было легко и бесконтрольно тратить и на чрезмерное непроизводительное потребление элиты; по такому пути в XVII – XIX вв. последовал цинский Китай, не переставая при этом вести войн; результатом, как известно, стало превращение Поднебесной империи в полуколонию. России же, по крайней мере до конца XIX века, удавалось, за исключением Крымской кампании 1854–1856 гг., выходить из своих войн окрепшей и расширившей пределы.

**Климат и
национальный
характер**

Но вернемся к предпосылкам, которые могли обусловить экспансию русского государства на Восток. Существует мнение, что движение в Сибирь было естественным и логичным ответом на окончание так называемого климатического оптимума VII–XIII веков, позволившего в свое время столь подняться в своем развитии северорусским землям. Малый ледниковый период, пик которого пришелся на XVI–XVIII века¹³, заставил сняться с мест в поисках лучшей доли значительный пласт населения преимущественно северных территорий, отход которого на Восток всего лишь был призван восстановить среднечеловеческую продуктивность сельскохозяйственных угодий в максимально пострадавших от похолодания вологодских, вятских и пермских землях. В этом случае вся сибирская эпопея – не более чем следствие каприза природы, вынужденная миграция даже не в поиске лучшей доли – просто с целью выживания.

Имелась ли альтернатива – например, через улучшение системы земледелия в центральных русских областях? Основной проблемой

¹³Во второй половине XVI – первой половине XVII вв. среднегодовая температура понизилась, по-видимому, как минимум, на 5–7°C, частыми явлениями стали ранние заморозки, засухи, чрезмерно обильные дожди, град и т.п.). Снижение показателя годовой суммы активных температур с обычных для среднерусских территорий 2.0–2.3 тысяч до 1.5–1.6 тысяч градусов Цельсия – при отсутствии сортового разнообразия возделываемых культур – оказалось критичным для земледелия. Страшный, три года подряд, неурожай 1601–1603 гг., когда в августе 1602 на широте Москвы поля толстым слоем покрыл снег, стал прелюдией последующей Смуты и сыграл не последнюю роль в падении Бориса Годунова. Череда тяжелейших неурожаев и голодных лет продолжалась на протяжении 30–40-х годов XVII века, и лишь к концу столетия климат вернулся к норме, продержавшейся вплоть до середины XX столетия [19].

сельского хозяйства России того времени было устойчиво снижающееся плодородие почв в результате применения трехпольного севооборота. Вынос питательных веществ из почвы мог быть компенсирован путем внесения значительных объемов навоза, однако ограниченность кормового потенциала не позволяла разводить необходимое для этого количество скота. Ухудшение климата лишь дополнительно обострило этот порочный круг. Выход мог быть в переходе к четырехпольным и многопольным севооборотам с высевом кормовых трав – последние бы обеспечили дополнительный корм для животноводства, которое, в свою очередь, было бы в состоянии обеспечить крестьян дополнительными объемами органических удобрений. В сочетании с эффектом фиксации кормовыми травами атмосферного азота, многопольная система позволила бы увеличить производство зерна как минимум на 30-50%, способствуя попутно росту производства мяса и молока [20]. В этом случае преодолевший нужду крестьянин мог бы увеличить личное потребление путем предъявления спроса на продукцию отечественных мануфактур. В частности, состоялся бы переход с традиционной великорусской деревянной сохи, лишь немного усиленной металлическими деталями, к железному плугу – при этом русская железоделательная промышленность, в дополнении к государственным заказам на литье пушек и экспорту¹⁴, получила бы дополнительный импульс для своего развития. Однако многопольная система становится эффективной лишь при наличии достаточного спроса на мясо и молоко за пределами сельской местности. Подобный спрос в заметных масштабах могло предъявить только занятая несельскохозяйственной деятельностью часть населения, компактно проживающая непосредственно в районах сельскохозяйственного производства, – поскольку рефрижераторов в ту пору не было.

Как видим, теоретическая альтернатива движению на Восток имела: пояись двумя веками раньше в Центральной России наиболее востребованные в ту пору текстильные мануфактуры – и рост численности несельскохозяйственной части населения индуцировал бы спасительный переход на многополье¹⁵. Были бы

¹⁴Россия стала нетто-экспортером железа (чугуна и мягкого и ковкого передела) начиная с середины XVIII века.

¹⁵В странах Западной Европы и Великобритании внедрение многопольных севооборотов пришлось на конец XVIII – начало XIX веков. Однако в этих странах и ресурс традиционного трехполья из-за лучших почвенно-климатических условий был значительно выше, чем в России, в противном случае его появление должно было произойти в начале XVII века – то есть тогда же, когда оно могло возникнуть – но не

сравнительно эффективно решены и проблемы использования излишка общественного продукта, и восстановления продовольственного потенциала на традиционных землях. Тем не менее этот путь оказался невостребованным.

Означало ли массовое появление в патриархальной стране “вольных поселений” размывание общинных ценностей и смену общественно-экономического строя – чего допустить было немислимо? Или для полноценного развития мануфактур в европейской части страны были необходимы дешевые торговые коммуникации, которых у России не имелось практически до первой четверти XVIII века? Вряд ли. У России, с ее сверхцентрализованной властной вертикалью, всегда существовала возможность достаточно успешно осуществлять “сверху” даже самые болезненные преобразования – вспомним хотя бы Иоанна Грозного и Петра Великого. Хозяином крестьян был, как известно, не помещик, а Царь, и в его власти было ослабить закрепощение крестьян с целью перераспределения людского ресурса в промышленность. Была возможность и через ряд успешных войн отвоевать, наконец, еще в XVII веке выходы в Азово-Черноморский бассейн и на Балтику, открыв прямые пути для торговли продукцией русских мануфактур. Нет сомнений, что финансовые затраты и степень напряжения общественных сил для проведения таких войн должны были быть на порядок меньше тех, которые потребовало освоение Сибири. По большому счету, мы не находим каких-либо исторических, географических и социально-культурных причин, по которым наша страна не могла бы пойти по пути Голландии и Англии, развивая мануфактурное производство и осуществляя активную политику торгового проникновения в другие страны и территории. Даже в части “драгоценного богатства”, лежавшего в основе финансово-кредитных систем той эпохи, Россия ничуть не уступала ганзейским ювелирам – массовое представление о сокровищах кладовых московских царей могло стать более чем надежной основой первоклассных кредитных (бумажных) денег¹⁶. Кстати, в середине XVII века Англия – извечный соперник, ставший со временем и столь же извечным кредитором нашей страны, – была полным банкротом. И совсем уже не хочется повторять сомнительные

состоялось! – в нашей стране (в России многопольная система земледелия начала распространяться лишь после реформы 1861 года).

¹⁶ Действительно, несмотря на полное отсутствие в России до самого 1745 года золотых приисков, драгоценный металл в значительных количествах аккумулировался в царской казне – в основном за счет поддерживавшегося на протяжении столетий положительного сальдо внешней торговли.

утверждения о якобы “коммерческой бесталанности” русского народа, о невозможности сочетать развитие капиталистических отношений с поведенческими и ментальными стереотипами, предписываемыми Православной церковью. Ведь и в Европе развитие капитализма шло не только в протестантских странах, а в России именно из сугубо религиозной старообрядческой среды вышли наиболее известные национальные предприниматели: Демидовы, Рябушинский, Морозовы, – при том что большая часть национального торгово-промышленного класса страны перед революцией была представлена именно старообрядцами [21].

Единственной, на наш взгляд, причиной, обусловившей невозможность для России следовать “англо-голландским” путем и выбор в пользу территориальной экспансии, было стремление в максимальной степени сохранить те черты национального архетипа, которые русский народ смог выработать и закрепить в течение своей “ранней юности”, пришедшейся на десятилетия борьбы с ордынским игом и эпоху возвышения Москвы. Ведь весь тот жизненный лад, который трудно конкретизировать – но вполне можно определить, произнеся слова “Святая Русь”, – должен был быть бесповоротно отринут, если бы народом был сделан иной исторический выбор, если бы ответом на проблемы, с которыми столкнулся русский народ, включая безмерно болезненную проблему сокращения продовольственного ресурса, оказался бы раннебуржуазный вариант развития. Цена потери национальной идентичности для русских людей XVI–XVII веков представлялась чрезмерно высокой. Не последнюю роль сыграло, видимо, и вошедшее вместе с ордынской кровью в мироощущение русского человека ощущение пространства как естественной стихии своего бытия. Подобного “фактора пространства” мы не найдем ни в древнем славянском архетипе, ни в архетипе современных южных и западных славян. Не потому ли территориальная экспансия стала для русского народа единственно возможной формой выживания? Чтобы выжить, сохранив в существенных чертах свое исконное мироощущение, необходимо было ступить в поток экспансии, идти за Урал, пробиваться к Охотскому морю, расширять пределы государства на подконтрольном Османской империи юге, прорубать окно к балтийскому побережью. Присоединяя и закрепляя за собой новые территории, русский народ неизбежно должен был, продолжая опираться на традиционный архетип, модернизировать систему взглядов и осознанных представлений о мире и своей роли в нем – прежде всего через формы политического и религиозного

самовыражения. Но такие изменения надлежало проводить плавно и постепенно. Резкие изменения лишь малой толики этих форм, в частности, стали причиной церковного раскола 1645–1674 гг.¹⁷

По глубине своего драматизма многие ставят раскол в один ряд с революцией 1917 года и последующими за ней событиями. Раскол не мог быть вызван одной лишь эмоциональной реакцией на изменения в написании богослужебных книг и введение нотопевицкого песнопения взамен крюковой нотации и знаменного одноголосия. Раскол был протестом тех, кто не пожелал в одночасье меняться во имя превращения Руси в Россию и затем – в Российскую империю. Не пройдет и сорока лет, и в годы петровских реформ в старообрядчество хлынет новый поток недовольных – так называемых “бородачей”, – тех, кто отказался подчиниться известным указам о бритье бород, т.е. не пожелал участвовать в еще одной чрезмерно резкой модернизации сознания.

Однако как бы ни порождала масштабность поднятого расколом протеста, буквально расколовшего общество пополам, заметим, что, избери Россия вместо территориальной экспансии раннебуржуазный путь развития, жертв и лишенцев неизбежно вспыхнувших бы при этом смут, гражданских войн и “огораживаний” было бы не меньше¹⁸.

Англия могла быть второй Начало раскола в России практически совпало по времени с революцией в Англии 1648 года. Аналогичная революция вполне могла разразиться и у нас, по сути, страна пережила многочисленные и кровавые к ней прелюдии. Городские восстания XVII века, по своей хронологии точно совпадающие с

¹⁷Началом раскола можно условно считать 1645 год, когда царь Алексей Михайлович и патриарх Никон обратились к константинопольскому патриарху Паисию с вопросами, касавшимися исправления церковных книг и некоторых обрядов; церковно-юридическая датировка относится к Поместному собору 1666–1667 гг., на котором противники нововведений были преданы анафеме; окончательным же оформлением раскола следует признать 1674 год, когда старообрядцами было решено прекратить молитвы за здоровье царя.

¹⁸В свое время британский специалист по российской сельской экономике Г. Таут обратил внимание автора на следующий момент: относительная успешность политики “огораживания” в Англии, выбрасывавшей на улицу десятки тысяч семей с детьми, женщинами, стариками и т.д., была связана с известной мягкостью британского климата: во всяком случае эти люди даже в зимние месяцы не могли замерзнуть без крова. Таким образом, лендлорды, освобождая землю от “лишнего” населения, своими действиями не совершали убийства. Нетрудно вообразить, какими могли бы быть последствия аналогичной политики в условиях русских зим.

“революционными” беспорядками в Англии, будь они поддержаны политической инициативой состоятельного промышленно-торгового класса, неизбежно привели бы к быстрой сдаче позиций еще не вполне окрепшим после Смуты самодержавием и к быстрым буржуазным реформам. Однако в планы первых русских “буржуа” – купцов, разбогатевших на торговле енисейской пушниной и эксплуатации торговых путей, проходящих через недавно открытые сибирские земли, революция, нацеленная на снятие преград для “внутреннего развития”, не входила – открытость географических границ компенсировала закрытость социальных, а продолжающаяся экспансия обещала куда большие возможности. Подобная установка работала даже несмотря на то, что практически все первые русские миллионеры XVII века, не будучи дворянами, не могли не сталкиваться с социальной дискриминацией и не рисковать капиталами из-за сохраняющейся возможности внеэкономического принуждения и отсутствия гарантирующих неприкосновенность собственности гражданских правоотношений!¹⁹

Итак, в первой половине XVII века Россия вполне осознанно отказывается от выбора в пользу “голландско-английского” пути развития. Большая часть народных сил и ресурсов общества была брошена на территориальную экспансию – и, как мы знаем, не только на Восток, но также в южном и западном направлениях. Хотя почему “брошена”? Туда, где требовалось силовое закрепление присутствия России, государство действительно направляло войска; в остальном же новые территории обживались и осваивались самодеятельным населением без каких-либо директив из Москвы, при нерегулярной и достаточно ограниченной государственной материальной поддержке. Русские переселенцы, подобно испанским конкистадорам и англосаксонским пионерам, отправлялись “за Югру” в поисках своего Эльдорадо, ради обретения новой жизни. Обрести новую жизнь на неосвоенной дикой территории значительно сложнее, чем попытаться построить ее на старой земле, пусть даже парализованной противоречиями; однако принять решение отправиться в путь было проще, чем осуществить то, что на современном языке называется “глубокими социально-

¹⁹К чести русских царей, верховная власть никогда не пыталась оспорить и деприватизировать активы крупных промышленников и купцов. Однако то, чего не позволяло себе государство, с удовольствием делали многие дворяне, наживавшиеся на гражданском бесправии своих крепостных, имевших собственные семейные промыслы и производства. Не последнюю роль в притеснениях предпринимательства также могли играть отдельные столичные сановники (как правило, ангажированные конкурентами), губернаторы и т.п.

экономическими преобразованиями”. Первое всегда можно сделать бесконфликтно, второе – в основном “кровью и железом”. В этом состоит объяснение неизбежности и естественности беспрецедентного расширения России, в котором наименее конфликтное восточное направление стало определяющим.

Расширение границ – вполне естественный и абсолютно разумный способ развития. Он априорно ничем не хуже интенсивного развития в рамках ограниченных территорий. Пусть не смущают нас впечатляющие результаты развития экономики и гражданского общества в странах Западной Европы в последние 200 лет – до этого и они прошли как фазу собственного экстенсивного роста, так и успели побывать во главе “колониальных империй”. Большой размер территории всегда давал фору в остальном, не случайно европейское лидерство традиционно принадлежало территориально наиболее крупным странам – Франции, Великобритании и, со времен Бисмарка, Германии. Обширная территория – это и дополнительный налоговый ресурс для государства, и возможности рентных доходов как от добывающих промыслов, так и от транспортных коммуникаций, это самый доступный способ увеличения воспроизводимого общественного ресурса, следовательно – и важнейший фактор политической и военной мощи, потенциальное пространство для роста населения и дополнительный ресурс обороны в случае агрессии извне. В наше время данное положение не претерпело принципиальных изменений, и, какие бы иллюзии мы ни питали в отношении научно-технического прогресса и постиндустриального развития, компактная Япония никогда не сравнится в своей государственной мощи с США, а крошечный Израиль никогда не добьется устойчивого военного паритета с нависающим над ним пространством арабского мира.

Выше мы уже отмечали, что в силу природно-климатических факторов “порог преодоления” самодостаточной структуры феодальных экономических отношений в России был существенно выше, чем в европейских государствах, и поэтому наша страна была обречена утилизировать излишек общественного продукта в экспансии и войнах. Но та же самая экспансия позволяла в конечном счете открывать и осваивать новые, более продуктивные пути приложения национального *surplus*. В периоды, когда на границах было спокойно, а центральная власть не допекала поборами и запретами, русские переселенцы демонстрировали чудеса

предприимчивости и использовали весьма развитые формы гражданской самоорганизации.

Динамичное расширение пределов России не было, таким образом, результатом нашей несостоятельности в вопросах “внутреннего” развития – как часто пытаются утверждать. До трети воспроизводимого общественного ресурса страна тратила на территориальную экспансию, однако и получала взамен заметный количественный рост последнего, дополнительные доходы казны (ясак с аборигенного населения, доходы от пушнины и золотодобычи, торговые пошлины и т.д.), возможность рентной эксплуатации самого короткого и безопасного сухопутного торгового пути между Китаем и Европой. Расширение границ было естественным и вполне разумным способом развития на конкретном историческом этапе. В процессе расширения объективно формировались предпосылки и для неизбежного в последующем маневра в направлении развития по интенсивному типу. Пройдет сравнительно немного времени – и на закрепленных в составе империи сибирских пространствах появятся первые рудники, фактории, таможни, начнется развитие земледелия, возникнут первые капиталы. Однако “интенсивный фактор” еще долгое время будет пребывать в латентном состоянии из-за сохраняющейся ограниченности ресурсов, всецело поглощаемых продолжающимся ростом территории. Забегая вперед, отметим, что лишь русско-японская война 1904–1905 гг., поставившая предел дальнейшему росту России в восточном направлении, смогла актуализировать дремлющие факторы интенсивного роста. За короткий период 1906–1913 гг. Сибирь и Дальний Восток смогли превратиться в мощный источник нетто-дохода²⁰ и, вполне вероятно, успели вернуть стране значительную часть того, что в течение десятилетий вкладывалось в освоение этого края.

**Пространство
идей и
органичность
поступков**

Но пока пределы расширения оставались зыбкими и не отчерченными кровью и огнем предстоящих битв, “раздвижение пределов” представлялось естественной и бесспорной формой существования и развития России.

²⁰Так, в 1912 году из Сибири было экспортировано в страны Европы свыше 100 тыс. тонн сливочного масла, что по стоимости вдвое превысило стоимость всего добытого за Уралом золота. Развитие же производства животноводческих продуктов, требующее значительных затрат труда и агротехнологических инноваций, относится, в отличие от горнорудного дела, к интенсивному типу.

Необходимость выживать и реализовывать себя через территориальную экспансию сформировала специфический архетип великорусского этноса²¹, а также осознанное, явленное в конкретных образах, примерах и устремлениях соответствующее *идейное (акматическое) пространство*. Как будет показано в следующей главе, взаимодействие архетипа и элементов акматического пространства в процессе достижения тех или иных целей является “наводящим проводником”, индуктором энергии, которая в процессе этногенеза используется для расширения границ, преобразования среды проживания и совершения иной работы на уровне этносов или входящих в их состав крупных консорций.

Итак, территориальная экспансия, позволяя решить ряд принципиальных проблем, была неоднозначной, во многих аспектах болезненной и опасной формой развития государства и общественного бытия. Одна из опасностей заключалась в гипертрофированном эмоциональном неприятии связанных с экспансией религиозно-идеологических новаций, проявлением чего стал церковный раскол. Опасность другого рода состояла в том, что в борьбе за новые рубежи границ государства терялся конструктивный смысл экспансии, состоявший в обеспечении страны новыми ресурсами, торговыми путями и территориями, пригодными для хозяйственного освоения. Для укрепления на завоеванных рубежах оказывалось проще искать ресурсное обеспечение и защитное буферное пространство на новых землях, нежели обустраивать имеющиеся, развивать коммуникации с “коренной” Россией, создавать фундаментальные рубежи обороны. Понимание этой проблемы в полной мере придет достаточно поздно, лишь к концу XIX века, когда значительная часть волевых ресурсов народа будет уже потрачена на “раздвижение пределов”. Перечень опасностей подобного рода – оборонных, транспортно-коммуникационных, управленческих, демографических и т.п., – без труда может быть продолжен.

Но существовала и еще одна опасность, связанная с деформациями *акматического пространства* русского этноса. Акматическое пространство – пространство идеалов и ментальных установок, в конкретное время и для конкретного этноса тем или иным образом определяющих смысл жизни, оправдывающих

²¹Понятие национального архетипа, “архетипической матрицы”, введенное Юнгом, подразумевает бессознательную подоснову характерных для этноса поведенческих мотивов, образов и других факторов, лежащих в основе стереотипов поведения.

жертвы и смерть. Большая часть осознанных индивидуальных поступков совершается в рамках его смысловых линий и образов, его содержание определяет коллективные цели, оправдывает действия, задает пульс человеческой жизни и истории. В координатах акматического пространства сменяют друг друга поколения, идет трансляция жизненных установок и идеалов от отцов к детям. Вне сбалансированного акматического пространства человеческая энергия лишается созидательного вектора, и в этом случае общество переходит на более низкую энергетическую орбиталь, среди признаков которой – скепсис по отношению к ранее достигнутому, а также убежденность в “конце истории”.

Акматическое пространство подразделяется на несколько уровней: верхний, создаваемый Божьим промыслом, усилиями подвижников, героев и святых, и базовый, концентрирующий цели и задачи реальной, текущей жизни. Верхний, горный уровень априорно гармоничен и устойчив – иначе он просто не получил бы универсального признания, да и воспринявшая его совокупность людей не смогла бы самоидентифицироваться в истории, образовав этнос или крупную консорцию. Базовый уровень намного переменчивее и подвержен модифицированию под воздействием среды, при этом часть его элементов может выпасть из “общего строя”, а на их место прийти новые. Изменение первоначального сочетания элементов акматического пространства может, в свою очередь, как укрепить акматический идеал, наполнив его новым содержанием, так и привести к потере органичности. *Гармоничная трансформация акматического идеала наблюдается, в частности, при успешном, продуманном обустройстве территории или решении схожих по смыслу военно-политических задач. В этом случае на новые вызовы общество находит адекватные ответы (один из лучших примеров развития такого рода – при всех известных издержках и сбоях – являет собой Великобритания). Но модификации акматического пространства могут происходить и в неблагоприятном направлении. В результате вынужденного или искусственного внедрения в акматический идеал новых целей или инфильтрации посторонних идей, в процессе столкновения с тяжелой, труднопреодолимой реальностью или из-за слишком раннего достижения предельных целей развития, он легко может утратить органичность. В этом случае “этносоциальный двигатель” плавно потеряет мощь, в худшем – незадолго до этого перейдет на форсаж в ошибочном, сулящем гибель направлении. К сожалению, и в книге мы это ясно увидим,*

“революционными” беспорядками в Англии, будь они поддержаны политической инициативой состоятельного промышленно-торгового класса, неизбежно привели бы к быстрой сдаче позиций еще не вполне окрепшим после Смуты самодержавием и к быстрым буржуазным реформам. Однако в планы первых русских “буржуа” – купцов, разбогатевших на торговле енисейской пушниной и эксплуатации торговых путей, проходящих через недавно открытые сибирские земли, революция, нацеленная на снятие преград для “внутреннего развития”, не входила – открытость географических границ компенсировала закрытость социальных, а продолжающаяся экспансия обещала куда большие возможности. Подобная установка работала даже несмотря на то, что практически все первые русские миллионеры XVII века, не будучи дворянами, не могли не сталкиваться с социальной дискриминацией и не рисковать капиталами из-за сохраняющейся возможности внеэкономического принуждения и отсутствия гарантирующих неприкосновенность собственности гражданских правоотношений!¹⁹

Итак, в первой половине XVII века Россия вполне осознанно отказывается от выбора в пользу “голландско-английского” пути развития. Большая часть народных сил и ресурсов общества была брошена на территориальную экспансию – и, как мы знаем, не только на Восток, но также в южном и западном направлениях. Хотя почему “брошена”? Туда, где требовалось силовое закрепление присутствия России, государство действительно направляло войска; в остальном же новые территории обживались и осваивались самодеятельным населением без каких-либо директив из Москвы, при нерегулярной и достаточно ограниченной государственной материальной поддержке. Русские переселенцы, подобно испанским конкистадорам и англосаксонским пионерам, отправлялись “за Югру” в поисках своего Эльдорадо, ради обретения новой жизни. Обрести новую жизнь на неосвоенной дикой территории значительно сложнее, чем попытаться построить ее на старой земле, пусть даже парализованной противоречиями; однако принять решение отправиться в путь было проще, чем осуществить то, что на современном языке называется “глубокими социально-

¹⁹К чести русских царей, верховная власть никогда не пыталась оспорить и деприватизировать активы крупных промышленников и купцов. Однако то, чего не позволяло себе государство, с удовольствием делали многие дворяне, наживавшиеся на гражданском бесправии своих крепостных, имевших собственные семейные промыслы и производства. Не последнюю роль в притеснениях предпринимательства также могли играть отдельные столичные сановники (как правило, ангажированные конкурентами), губернаторы и т.п.

экономическими преобразованиями”. Первое всегда можно сделать бесконфликтно, второе – в основном “кровью и железом”. В этом состоит объяснение неизбежности и естественности беспрецедентного расширения России, в котором наименее конфликтное восточное направление стало определяющим.

Расширение границ – вполне естественный и абсолютно разумный способ развития. Он априорно ничем не хуже интенсивного развития в рамках ограниченных территорий. Пусть не смущают нас впечатляющие результаты развития экономики и гражданского общества в странах Западной Европы в последние 200 лет – до этого и они прошли как фазу собственного экстенсивного роста, так и успели побывать во главе “колониальных империй”. Большой размер территории всегда давал фору в остальном, не случайно европейское лидерство традиционно принадлежало территориально наиболее крупным странам – Франции, Великобритании и, со времен Бисмарка, Германии. Обширная территория – это и дополнительный налоговый ресурс для государства, и возможности рентных доходов как от добывающих промыслов, так и от транспортных коммуникаций, это самый доступный способ увеличения воспроизводимого общественного ресурса, следовательно – и важнейший фактор политической и военной мощи, потенциальное пространство для роста населения и дополнительный ресурс обороны в случае агрессии извне. В наше время данное положение не претерпело принципиальных изменений, и, какие бы иллюзии мы ни питали в отношении научно-технического прогресса и постиндустриального развития, компактная Япония никогда не сравнится в своей государственной мощи с США, а крошечный Израиль никогда не добьется устойчивого военного паритета с нависающим над ним пространством арабского мира.

Выше мы уже отмечали, что в силу природно-климатических факторов “порог преодоления” самодостаточной структуры феодальных экономических отношений в России был существенно выше, чем в европейских государствах, и поэтому наша страна была обречена утилизировать излишек общественного продукта в экспансии и войнах. Но та же самая экспансия позволяла в конечном счете открывать и осваивать новые, более продуктивные пути приложения национального *surplus*. В периоды, когда на границах было спокойно, а центральная власть не допекала поборами и запретами, русские переселенцы демонстрировали чудеса

предприимчивости и использовали весьма развитые формы гражданской самоорганизации.

Динамичное расширение пределов России не было, таким образом, результатом нашей несостоятельности в вопросах “внутреннего” развития – как часто пытаются утверждать. До трети воспроизводимого общественного ресурса страна тратила на территориальную экспансию, однако и получала взамен заметный количественный рост последнего, дополнительные доходы казны (ясак с аборигенного населения, доходы от пушнины и золотодобычи, торговые пошлины и т.д.), возможность рентной эксплуатации самого короткого и безопасного сухопутного торгового пути между Китаем и Европой. Расширение границ было естественным и вполне разумным способом развития на конкретном историческом этапе. В процессе расширения объективно формировались предпосылки и для неизбежного в последующем маневра в направлении развития по интенсивному типу. Пройдет сравнительно немного времени – и на закрепленных в составе империи сибирских пространствах появятся первые рудники, фактории, таможни, начнется развитие земледелия, возникнут первые капиталы. Однако “интенсивный фактор” еще долгое время будет пребывать в латентном состоянии из-за сохраняющейся ограниченности ресурсов, всецело поглощаемых продолжающимся ростом территории. Забегая вперед, отметим, что лишь русско-японская война 1904–1905 гг., поставившая предел дальнейшему росту России в восточном направлении, смогла актуализировать дремлющие факторы интенсивного роста. За короткий период 1906–1913 гг. Сибирь и Дальний Восток смогли превратиться в мощный источник нетто-дохода²⁰ и, вполне вероятно, успели вернуть стране значительную часть того, что в течение десятилетий вкладывалось в освоение этого края.

**Пространство
идей и
органичность
поступков**

Но пока пределы расширения оставались зыбкими и не отчерченными кровью и огнем предстоящих битв, “раздвижение пределов” представлялось естественной и бесспорной формой существования и развития России.

²⁰Так, в 1912 году из Сибири было экспортировано в страны Европы свыше 100 тыс. тонн сливочного масла, что по стоимости вдвое превысило стоимость всего добытого за Уралом золота. Развитие же производства животноводческих продуктов, требующее значительных затрат труда и агротехнологических инноваций, относится, в отличие от горнорудного дела, к интенсивному типу.

Необходимость выживать и реализовывать себя через территориальную экспансию сформировала специфический архетип великорусского этноса²¹, а также осознанное, явленное в конкретных образах, примерах и устремлениях соответствующее *идейное (акматическое) пространство*. Как будет показано в следующей главе, взаимодействие архетипа и элементов акматического пространства в процессе достижения тех или иных целей является “наводящим проводником”, индуктором энергии, которая в процессе этногенеза используется для расширения границ, преобразования среды проживания и совершения иной работы на уровне этносов или входящих в их состав крупных консорций.

Итак, территориальная экспансия, позволяя решить ряд принципиальных проблем, была неоднозначной, во многих аспектах болезненной и опасной формой развития государства и общественного бытия. Одна из опасностей заключалась в гипертрофированном эмоциональном неприятии связанных с экспансией религиозно-идеологических новаций, проявлением чего стал церковный раскол. Опасность другого рода состояла в том, что в борьбе за новые рубежи границ государства терялся конструктивный смысл экспансии, состоявший в обеспечении страны новыми ресурсами, торговыми путями и территориями, пригодными для хозяйственного освоения. Для укрепления на завоеванных рубежах оказывалось проще искать ресурсное обеспечение и защитное буферное пространство на новых землях, нежели обустраивать имеющиеся, развивать коммуникации с “коренной” Россией, создавать фундаментальные рубежи обороны. Понимание этой проблемы в полной мере придет достаточно поздно, лишь к концу XIX века, когда значительная часть волевых ресурсов народа будет уже потрачена на “раздвижение пределов”. Перечень опасностей подобного рода – оборонных, транспортно-коммуникационных, управленческих, демографических и т.п., – без труда может быть продолжен.

Но существовала и еще одна опасность, связанная с деформациями *акматического пространства* русского этноса. Акматическое пространство – пространство идеалов и ментальных установок, в конкретное время и для конкретного этноса тем или иным образом определяющих смысл жизни, оправдывающих

²¹Понятие национального архетипа, “архетипической матрицы”, введенное Юнгом, подразумевает бессознательную подоснову характерных для этноса поведенческих мотивов, образов и других факторов, лежащих в основе стереотипов поведения.

жертвы и смерть. Большая часть осознанных индивидуальных поступков совершается в рамках его смысловых линий и образов, его содержание определяет коллективные цели, оправдывает действия, задает пульс человеческой жизни и истории. В координатах акматического пространства сменяют друг друга поколения, идет трансляция жизненных установок и идеалов от отцов к детям. Вне сбалансированного акматического пространства человеческая энергия лишается созидательного вектора, и в этом случае общество переходит на более низкую энергетическую орбиталь, среди признаков которой – скепсис по отношению к ранее достигнутому, а также убежденность в “конце истории”.

Акматическое пространство подразделяется на несколько уровней: верхний, создаваемый Божьим промыслом, усилиями подвижников, героев и святых, и базовый, концентрирующий цели и задачи реальной, текущей жизни. Верхний, горний уровень априорно гармоничен и устойчив – иначе он просто не получил бы универсального признания, да и воспринявшая его совокупность людей не смогла бы самоидентифицироваться в истории, образовав этнос или крупную консорцию. Базовый уровень намного переменчивее и подвержен модифицированию под воздействием среды, при этом часть его элементов может выпасть из “общего строя”, а на их место прийти новые. Изменение первоначального сочетания элементов акматического пространства может, в свою очередь, как укрепить акматический идеал, наполнив его новым содержанием, так и привести к потере органичности. *Гармоничная трансформация акматического идеала наблюдается, в частности, при успешном, продуманном обустройстве территории или решении схожих по смыслу военно-политических задач. В этом случае на новые вызовы общество находит адекватные ответы (один из лучших примеров развития такого рода – при всех известных издержках и сбоях – являет собой Великобритания). Но модификации акматического пространства могут происходить и в неблагоприятном направлении. В результате вынужденного или искусственного внедрения в акматический идеал новых целей или инфильтрации посторонних идей, в процессе столкновения с тяжелой, труднопреодолимой реальностью или из-за слишком раннего достижения предельных целей развития, он легко может утратить органичность. В этом случае “этносоциальный двигатель” плавно потеряет мощь, в худшем – незадолго до этого перейдет на форсаж в ошибочном, сулящем гибель направлении. К сожалению, и в книге мы это ясно увидим,*

историческая Россия стала примером развития именно второго рода. А утрата органичности изначально великого и конструктивного акматического идеала явилась первопричиной невосполнимых потерь.

Кроме того, как и всякая живая реальность, энергетический уровень которой существенно выше уровня среды, акматический идеал отличается особой уязвимостью. Всякая чрезмерная деформация, приводящая к переосмыслению целевых образов и предписываемых ими стереотипов поведения, способна вызвать надлом всей сформировавшейся под ним системы общественных отношений. Сила деформации от столкновения с реальностью, первоначальная “высота потенциала” акматического пространства и его органичность – суть факторы, определяющие такой исход. Русскому народу, отличавшемуся в ту пору исключительно высоким уровнем идеальных ожиданий, не раз придется переносить страшные удары и потери. Компенсировать, восполнить их могло бы реальное улучшение и обустройство жизненной среды – однако и в моменты побед, и спустя годы после них приоритет отдавался, в основном, малопродуктивному триумфаторству. В этих условиях человеческая энергия, в свое время питавшая достижения и победы, начинает с не меньшей интенсивностью порождать апатию, разочарования, а со временем, укоренившись в сфере коллективного бессознательного, в своем пределе достигнет оправдания самоубийства как допустимого и желанного выхода из неразрешимой жизненной коллизии, естественного завершения болезни под названием *Taedium vitae*²².

С ретроспективы взятых нами за точку отсчета XVI – XVII веков России еще только предстоит – да и то не скоро – пройти этот болезненный и деконструктивный путь крушения идеалов. События русско-японской войны 1904–1905 гг. станут на нем первой крупной трагической вехой. И сто лет спустя, уже в наши дни, мы продолжаем, часто того не осознавая, терять рубежи и нести потери исключительно в силу того, что подспудно, подсознательно сами того и желаем – ибо именно таким образом нам удастся приводить потрепанные идеалы в соответствие с неумолимо сжимающей их реальностью.

Однако вернемся во вторую половину XVII века. Россия к тому времени еще не успела поразить мир, превратившись из заурядного восточно-европейского государства в крупнейшую империю,

²² *неприятие жизни (лат.)*